УДК 821.161.1

КАРАЗИН И ЛЕСКОВ

© 2014 г.

Э.Ф. Шафранская

Московский городской педагогический университет

shafranskayaef@mail.ru

Поступила в редакцию 24.04.2014

Анализируются типологические детали и образы в прозе Н.С. Лескова и Н.Н. Каразина, возможные влияния писателей друг на друга и заимствования, в частности, рассматриваются «Леди Макбет Мценского уезда» и «Тигрица», «Несмертельный Голован» и «Тюркмен Сяркей», «Путешествие с нигилистом» и «С севера на юг» и др.

Ключевые слова: Каразин, Лесков, праведник, тюрьма/зиндан, женские образы, «Леди Макбет Мценского уезда», «Несмертельный Голован», «Путешествие с нигилистом», «Тигрица», «Тюркмен Сяркей», «С севера на юг».

Малоизвестная современному читателю проза Н.Н. Каразина (1842–1908) при жизни писателя была необычайно популярной и резонансной. Феномен забвения Каразина, лежит, скорее, в области идеологической и ждет своего исследователя.

Проза Каразина находилась в авангарде литературы 1870–1890-х гг. и тем или иным способом отзывалась в творчестве писателей и художников, вошедших впоследствии в первые ряды как литераторов, так и живописцев (Л.Н. Толстой, Н.С. Лесков, А.П. Чехов, В.В. Верещагин и др.). Остановимся на сопряжениях прозы Каразина и Лескова.

В романе Каразина «С севера на юг» есть фрагмент – описание тюрем, или камер предварительного заключения, построенных русскими в Средней Азии. Это были далеко не зинданы, туземные тюрьмы. Из зиндана убежать было невозможно – это могила, где смерть наступала естественным образом, без казни – от мучений, голода, насекомых, зловония: на кости, трупы предыдущих узников спускали обреченных новых.

Каразин описывает русские тюрьмы так: «Попал раз Дабуй барантач (разбойник. – *Э.Ш.*). Долго на него зарились, шибко досадить успел. Поймали, наконец, изловчились, обрадовались. Ну, думают, за все теперь выместим. Припомним тебе все твои пакости. Заперли его в казематку крепостную, часовых приставили, а он в первую же ночь и убег. Стали тюрьму оглядывать: ан под стенку ход прорыт, словно нора лисья, прямо взади казематки, к обрыву береговому. И чудно, право, как: земли даже не видать вывороченной. Вот он, значит, каким манером удрал: подрылся» [1, с. 319].

На этом примере автор не останавливается – он предлагает еще и еще случаи, похожие на первый: о внезапности исчезновения арестованных [1, с. 320–321], чтобы прийти к выводу: «Уйти, значит, только тот не может, кто сам не захочет… Ну, таких и запирать не для чего…» [1, с. 322].

Весь этот пассаж о русских среднеазиатских тюрьмах, построенных из самана (кирпича из глины, перемешанной с соломой), смеем предположить, не мог не впечатлить Н.С. Лескова. Каразинский роман «С севера на юг» публиковался в книжках журнала «Дело» в 1874–1875 гг. В 1882 г. Лесков публикует рассказ «Путешествие с нигилистом», где есть такой фрагмент: «…обозначился шульер. Думали, смирный – посадили его в подводную тюрьму, а он из-под воды ушел. Все заинтересовались: как шульер ушел из-под воды? <…>

– А черт его знает… <…> Только после стали везде по каморке смотреть – ни дыры никакой, ни щелочки – ничего нет… <…>

– А кто же он такой был?

– Нахалкиканец из-за Ташкенту» [2, с. 172]. Этот абсурдный ответ был понятен лесковскому читателю: литературные журналы той поры изобиловали описанием этнографических и геополитических подробностей жизни Туркестана, и Каразин в этом процессе был пионером.

Проза Каразина для читающей аудитории 1870–1890-х гг. не была маргинальной, она не могла пройти мимо взыскательной писательской публики. Поэтому обоюдные влияния (Каразина и писателей-современников) налицо.

Поражают по силе страстности два женских образа в русской литературе этого периода: у

Лескова – Катерина Измайлова (1864), у Каразина – героиня повести «Тигрица» (1876), созданная под влиянием Лескова или нет, но точно встраиваемая в типологический ряд героинь русской литературы.

Соединение шекспировских страстей с жизнью в русской провинции – задача, за которую берется Лесков. Ситуация, им воссозданная, тривиальна: влекомые чувственной страстью, сходятся два молодых человека. Однако в тривиальной ситуации нетривиально поведение героини. Она при содействии любовника убирает людей, которые ей мешают: свекра, мужа, ребенка, который мог бы стать свидетелем их любовных утех. Таких женщин в русской литературе до Лескова не было. Писатель создает человеческий характер – сильный, с шекспировской готовностью идти до конца. Катерина Измайлова не чувствует греха, стоит в стороне от моральных рассуждений. Сила ее характера сочетается с отсутствием моральных разрешений и запретов, она вне морали, для нет ничего святого. Страсть – вот двигатель ее поступков.

Героиня повести Каразина «Тигрица» по силе страсти, в ней воплощенной, становится вровень с Катериной Измайловой. Но собственно страсть этой восточной красавицы, тигрицы, иного рода – не сексуальная, как у Лескова, а страсть материнской мести за свое дитя. И имя ей дано не без намека, как и у Лескова, – Агреаль, что значит «чистокровная верховая». Здесь всё: и ее завораживающая всех красота среднеазиатской амазонки, ум, хитрость, и «чистокровность», присутствующая в ее ментальности: ее ребенок, выношенный ею, но зачатый от врага, – для нее не ребенок. Ни вскармливать его, ни ласкать она не собирается. Это лишь часть ее хитроумного, хотя и затяжного во времени, плана мести: ударить своего врага так, чтобы он ощутил сполна горечь ее утраты. (Вспомним, как относился к своим детям, рожденным не в православном браке, а от чуждых русской культуре женщин лесковский Иван Северьянович Флягин.)

А предыстория этой мести такова: русский офицер, участник туркестанских походов, преследовал с группой солдат туркменских беженцев, дабы вернуть их в то поселение, откуда они бежали. Когда их догнали, пришлось вступить в бой с джигитами, сопротивлявшимися русским. Когда защитников, воинов-мужчин, не осталось, на арбу встала во весь рост молодая женщина с ребенком в руках – в позе: убивайте меня и мое дитя. Русские солдаты кричали, что не тронут ее, чтобы она слезала с арбы и шла домой. Внезапно ребенок выскользнул из рук матери и попал под копыта лошади, которую при всем желании наездник остановить не мог, – им был русский офицер Наземов.

Женщина, потерявшая сына, сутками сидела, не выпуская из рук мертвое тело ребенка, никому его не отдавала. Но потом попросила, чтобы ей привели Наземова, виновника гибели ее сына, и отдала ему мертвого ребенка со словами: он твой. Красавица осталась при русском отряде, умело, намеренно и ненавязчиво влюбила в себя Наземова, который летал от счастья. Пришла надобность ехать в Россию, он позвал с собой Агреаль. Она согласилась, вскоре забеременела, родила мальчика. Кормить наотрез отказалась, ссылаясь на плохое самочувствие. Ребенку наняли деревенскую кормилицу, крестили – мать не сопротивлялась, наоборот, всячески способствовала вживанию ребенка в русскую культуру, чем удивляла Наземова, который с интересом и опаской наблюдал за своей невенчанной женой (венчаться она наотрез отказалась, мотивируя это нежеланием терять свою свободу). Ребенку не было и года, когда Агреаль заскучала по теплым родным краям, уговорила Наземова вернуться. А по приезде на родину связалась со своими родственниками, которые пришли в ночи и помогли ей совершить то, что она задумала сразу после смерти своего первого сына: убила мальчика, рожденного от русского отца, ребенка, которого она не считала своим, сказав, что теперь они квиты: ты убил моего сына, а я – твоего. Интрига сюжета повести состоит в нагнетании странных, загадочных, немотивированных поступков красивой Агреаль.

Животная, мстительная страсть закодирована в заглавии повести – «Тигрица», которое недвусмысленно прокомментировано в самом повествовании, где взгляд Агреаль сравнивается с тигриным: «Взгляд ее не был обыкновенным, естественным взглядом… В нем отражалась какая-то особая внутренняя сила… Какое-то могучее чувство одушевляло его и придавало ему это чарующее, пронизывающее насквозь выражение… <…> Мне случалось не раз в густых зарослях “Сыра” и “Аму” лицом к лицу встречаться с тигрицею… Я встретился раз с такою, которая отыскивала по следу своих, только что выкраденных из логовища детенышей… Она была убита; пуля из берданки оказалась сильней ее отваги, ее острых зубов, ее железных когтей, но я никогда не забуду того взгляда, который бросило на меня умирающее животное…. <…> Теперь же подобный взгляд… напоминал мне о неотразимой, беспощадной мести…» [3, с. 147–148].

Еще один лесковско-каразинский типологический ряд напрашивается при сопоставлении излюбленного Лесковым образа праведника: «Несмертельный Голован» и персонаж Каразина из рассказа «Тюркмен Сяркей». Оба текста гармонируют, будучи названы по именам главных персонажей – подобная номинация, конечно, не ведет ни к какой типологии, однако после сопоставления и Голован, и Сяркей становятся вровень.

Предваряя публикацию рассказов о русских праведниках, Лесков поведал читателю, при каких обстоятельствах пошел на поиски праведников: на это его подвигло суждение А.Ф. Писемского: «ничего, кроме мерзости, не вижу», «что вижу, то пишу, а вижу я одни гадости» [4, с. 4]. «Мне было ужасно, и несносно, – пишет Н.С. Лесков, – и пошел я искать праведных, пошел с обетом не успокоиться, доколе не найду хотя то небольшое число трех праведных, без которых “несть граду стояния”, но куда я ни обращался, кого ни опрашивал – все отвечали мне в том роде, что праведных людей не видывали, потому что все люди грешные, а так, кое-каких хороших людей и тот, и другой знавали. Я и стал записывать» [4, с. 4].

Лесковский Голован пользуется уважением горожан, к нему идут за советом, он способен «что только человеку надо», бог его «любил и миловал» [5, с. 113]. Каразинский тюркмен Сяркей также «был самым желанным гостем в каждом ауле. Все – и стар, и млад – радовались его приходу, печалились его уходом» [6, с. 158].

Все уверяли, что женщина, которую Голован любил в молодости и впоследствии призрел, Павла, живет с ним «во грехе», называли ее «Голованов грех», но, как выяснилось через многие годы, «грех» был домыслом окружающих, а Павлу он, действительно, любил, живя с ней под одной крышей: только «они жили по любви *совершенной*» [5, с. 134], жениться по юридическим законам они могли, так как муж Павлы официально давно сгинул, но не могли «по закону своей совести» [5, с. 135] – муж Павлы под чужим именем жил в одном с ними городе.

«Тюркмен Сяркей не был никогда женат. Самые злые языки степных сплетниц не могли бы уязвить его репутации, не могли бы указать ни на одну женщину, связанную с ним каким бы то ни было романическим эпизодом, но, несмотря на это, у него было много детей. У него было их столько, ровно столько, сколько у всех обитателей степи было вместе.

Это потому случилось, что все дети были его дети, он их всех любил ровно и настолько, что, во всяком случае, ни один настоящий отец не мог бы любить более.

И столько этих поколений детских вырастало на его глазах, выходило из рамок его заботливости и попечений, уступая свое место новым легионам крохотных, полуголых, чумазых питомцев» [6, с. 158].

Лесковского Голована подозревали в сговоре с нечистью: он якобы похитил *безоар*-камень, спасающий от всех болезней, но прощали ему этот грех, так как Голован накормил, отпугнул и изгнал «язву» из города, бросив ей «шмат своего тела» [5, с. 112], в связи с волховством, в обладании талисманом: Голован, как человек из народа, прибег не к лекарствам, не к лекарям, когда почувствовал, что «язва», чума, собралась его одолеть, а к радикальному методу: отрезал ту часть тела, которая только-только подверглась заражению.

Праведность и святость, по Лескову, в открытости и расположенности к человеку вообще, вне зависимости от его убеждений, религиозных пристрастий. Горожанам, «которые крепко держались своего стада и твердо порицали всякую иную веру, – особились друг от друга в молитве и ядении, и одних себя разумели на “пути правом”» [5, с. 114], Голован казался «сумнителен в вере». Он водился со всеми: «даже жиду Юшке из гарнизона он давал для детей молока» [5, с. 114], что в быту людей, прилежащих христианству, было недопустимо. Любя же и уважая Голована, люди находили тому оправдание: якобы он, дружа с Юшкой, хотел добыть «иудины губы», которыми можно перед судом отолгаться, или «волосатый овощ», который жидам жажду тушит, так что они могут вина не пить» [5, с. 114].

На каразинского тюркмена Сяркея косо смотрели муллы, «поучавшие народ и правившие нравственной “чистотою истинной веры пророка”. Сяркей сам был сторонником веры Корана и добрый сын пророка, но как-то умел добродушно и тонко подсмеиваться над охранителями веры и находить вечное противоречие в словах святых мулл и их поступках.

Он был посвящен и в некоторые тайны природы: он знал много целебных трав и средств, удачно лечил людей, детей преимущественно, а также овец, лошадей и верблюдов. Для тех и других аптеки его и методы лечения были совершенно одинаковы.

За это к его уже имеющимся двум почетным титулам добавлялся третий: “хаким” (мудрец)» [6, с. 158].

Лесковский Голован был «по слободам и за коровьего врача, и за людского лекаря, и за ин-

женера, и за звездоточия, и за аптекаря. Он умел сводить шелуди и коросту <…> вынимал соленым огурцом жар из головы; знал, что травы надо собирать с Ивана до полу-Петра, и отлично «воду показывал», то есть где можно колодец рыть» [5, с. 113].

Сяркей знал природу пустыни, все признаки перемены погоды в ней, знал, как спастись от песчаных ураганов летом и снежных буранов зимой; знал все созвездия в небе и умело пользовался ими, передвигаясь по пустыне, ему ведомы были все степные вершки и кочки, настолько, что его «советами пользовались кызыл-кумские киргизы в своих перекочевках» [6, с. 159].

В отношении к инородцам, как и Голован, Сяркей был открыт: «Когда на эти пустыни грозило еще нашествие русских, когда к русским относились здесь со страхом, недоверием и ненавистью, тюркмен Сяркей не разделял этих чувств; он всегда говорил, что все люди, как люди, хороши; а между всеми, кто бы они ни были, одинаково есть и злые, и добрые, а добрые всегда сильнее злых, всегда верх возьмут» [6, с. 159–160].

Однажды Сяркею выпало спасти обоз с женой капитана, направлявшейся через снежную пустыню к мужу с двумя малолетними детьми. Двое суток мать и дети находились в сугробе, смерть была неминуема, но на помощь пришел Сяркей: откопал погибающих и увез в аул-зимовку. Муж, отчаявшийся в безрезультатных поисках, отслужил панихиду по усопшим, запил горькую. А по весне Сяркей доставил на место пропавшую семью в целости и сохранности, ничего взамен, в награду, не попросив, а скромно скрывшись с чужих глаз. А награда его ожидала: комендант форта «послал обо всем форменное донесение с приложением ходатайства “о награждении вышеозначенного киргизина Сяркея бронзовою медалью за спасение, для нехристиан установленною”» [6, с. 164]. Видно, что медаль до него не дойдет, как она никогда не появится на груди у другого лесковского праведника Рыжова из «Однодума», по единой причине – отсутствию тщеславия.

Однако вскоре случился характерный эксцесс: во время неудачной переправы через реку рассвирепевший капитан Скобленый, тот самый, чью жену и детей не так давно спас Сяркей, под горячую руку схватил первого попавшегося киргиза и начал его избивать, срывая свое зло на безответном маленьком человеке. Когда с него слетела шапка, все увидели, что это был Сяркей. Капитан сгорал от стыда, захлебываясь в слезах отчаяния и прося прощения у кочевника, не обращая внимания на любопытствующих окружающих и потерю своего престижа. Сяркей ни словом не попрекнул своего истязателя, напротив, еще большее чувствовал себя виноватым. Все, кто когда-то соприкасался с эти маленьким смешным человеком, похожим на обезьяну [6, с. 152], становились лучше, честнее, справедливее.

К повествованию о Головане напрашивается жанровая номинация – житие, ведь Голован предстал однажды одному из лесковских персонажей в видении наяву – в образе Христа, пересекающего водную гладь как посуху (на деле оказалось все просто: это Голован приплыл на воротах). Помимо аскезы и мучений, сопровождающих жизнь житийного святого, необходимо страстотерпство за веру, что за Голованом и не было замечено. Аналогично можно сказать и о тюркмене Сяркее; с другой стороны, какое житие? ведь Сяркей – иноверец, хотя и повествуется о нем в русской литературе. Однако при некоторой условности принять житийный канон все же возможно, именно в его рамках изображены праведники – лесковский Голован и каразинский Сяркей.

Лесков заключает повествование о Головане: «Он сам почти миф, а история его – легенда». Образ Голована построен на архетипе культурного героя, который научает смертных всевозможным ремеслам, привносит в их жизнь благо, порой жертвуя собой. По законам мифа, культурный герой не умирает, если же случается смерть – то как этап перед следующим возрождением. Остов, или архетип, лесковского героя именно таков. Как бы противопоставляя его обычным смертным, рассказчик пишет: «Голован был нечувствителен к атмосферным переменам… Холод его не брал» [5, с. 99], «сам “несмертельный” кипел в работе с утра до поздней ночи. Он был и пастух, и поставщик, и сыровар» [5, с. 100], «Голован был нужный и полезный слуга, потому что он умел все, – он был не только хороший повар и кондитер, но и сметливый и бойкий походный слуга» [5, с. 101]. Словно мифический герой, способности которого были гипертрофированы по сравнению с простыми смертными, Голован производил в своем молочном хозяйстве уникальные продукты: «сливки “не текли”, то есть если оборачивали бутылку вниз горлышком, то сливки из нее не лились струей, а падали как густая, тяжелая масса. Продуктов низшего достоинства Голован не ставил, и потому он не имел себе соперников… <…> Голован поставлял также в клуб отменно крупные яйца от особенно крупных голландских кур, которых водил во множестве,

и, наконец, “приготовлял телят”, отпаивая их мастерски» [5, с. 98]; «Он так хорошо умел рассказывать сто четыре священные истории…» [5, с. 100–101]. К аналогии с каразинским персонажем: Сяркей «знал историю всего края. Не было ни одной песни, ни одной сказки, ни одной легенды, которая была бы ему неизвестна, и на всех пирах и празднествах ему, как певцу, поэту, барду степей, отводилось почетнейшее место» [6, с. 158].

Во время чумы Голован «безбоязненно входил в зачумленные лачуги и поил зараженных не только свежею водою, но и снятым молоком» [5, с. 107]. Как бы вопреки установке мифа, Голован *погиб* при пожаре, спасая людей. Но, получив при жизни прозвище *Несмертельный*, Голован и после смерти величается *несмертельным* – по законам мифа. И каразинский Сяркей стал «добрым гением пустыни», о котором рассказчик обещает поведать еще не раз, «ибо рассказ “о хорошем человеке” и старому, и малому всегда на радость и пользу» [6, с. 169].

И это лишь часть схождений и пересечений, их намного больше, например, фигура эпатажного купца Хлудова, описанного во многих произведениях и Каразина, и в лесковском «Чертогоне».

Список литература

1. Каразин Н.Н. С севера на юг // Каразин Н.Н. Полн. собр. соч.: в 20 т. Т. 7–8. Ч. 1–2. СПб.: Изд. П.П. Сойкина, 1905. 520 с.

2. Лесков Н.С. Путешествие с нигилистом // Лесков Н.С. Собр. соч.: в 12 т. Т. 7. М.: Правда, 1989. С. 169–175.

3. Каразин Н.Н. Тигрица // Каразин Н.Н. Полн. собр. соч.: в 20 т. Т. 6. СПб.: Изд. П.П. Сойкина, 1905. С. 144–247.

4. Лесков Н.С. Праведники // Лесков Н.С. Собр. соч.: в 12 т. Т. 2. М.: Правда, 1989. С. 3–4.

5. Лесков Н.С. Несмертельный Голован // Лесков Н.С. Собр. соч.: в 12 т. Т. 2. М.: Правда, 1989. С. 94–136.

6. Каразин Н.Н. Тюркмен Сяркей // Каразин Н.Н. Полн. собр. соч.: в 20 т. Т. 16. СПб.: Изд. П.П. Сойкина, 1905. С. 150–169.

KARASIN AND LESKOV

E.F. Shafranskaya

In this statement the typological details and images of N. Leskov’s and N. Karazin’s prose, the possible influence of writers to each other and borrowings are analyzed, in particular, such works as "Lady Macbeth of the Mtsensk" and "The Tigress", "Non-lethal bighead" and "Turkmen Sarka", "Journey with nihilist" and "From North to South" are considered.

Keywords: Karasin, Leskov, a righteous man, prison/zindan, women’s images, "Lady Macbeth of Mtsensk", "Non-lethal bighead", "Journey with nihilist", "Tigress", "Turkmen Sarka", "From North to South".

References

1. Karazin N.N. S severa na yug // Karazin N.N. Poln. sobr. soch.: v 20 t. T. 7–8. Ch. 1–2. SPb.: Izd. P.P. Sojkina, 1905. 520 s.

2. Leskov N.S. Puteshestvie s nigilistom // Leskov N.S. Sobr. soch.: v 12 t. T. 7. M.: Pravda, 1989. S. 169–175.

3. Karazin N.N. Tigrica // Karazin N.N. Poln. sobr. soch.: v 20 t. T. 6. SPb.: Izd. P.P. Sojkina, 1905. S. 144–247.

4. Leskov N.S. Pravedniki // Leskov N.S. Sobr. soch.: v 12 t. T. 2. M.: Pravda, 1989. S. 3–4.

5. Leskov N.S. Nesmertel'nyj Golovan // Leskov N.S. Sobr. soch.: v 12 t. T. 2. M.: Pravda, 1989. S. 94–136.

6. Karazin N.N. Tyurkmen Syarkej // Karazin N.N. Poln. sobr. soch.: v 20 t. T. 16. SPb.: Izd. P.P. Sojkina, 1905. S. 150–169.